

Принцип неприкосновенности личности в уголовном процессе: откуда появился 48-часовой срок задержания и как с ним быть?

Сергей Борисович Россинский*

Принцип неприкосновенности личности (ст. 10 УПК РФ) представляет собой одну из важнейших правовых гарантий, обеспечивающих процессуальный режим участия человека (индивида) в современном уголовном судопроизводстве и создает определенный баланс между публичными и частными интересами, между полномочиями государства и правами лиц, вовлеченных в орбиту уголовной юрисдикции. С одной стороны, провозглашаемое этим принципом право на свободу и неприкосновенность признается за каждым человеком от рождения, являясь важнейшим элементом правового статуса личности в любом современном цивилизованном обществе. С другой стороны, ввиду особого предназначения уголовно-процессуальной деятельности полномочия органов предварительного расследования и суда не могут быть не подкреплены возможностью государственного принуждения, выраженного, помимо прочего, в вынужденном ограничении этой самой свободы и неприкосновенности, если поведение той или иной личности создает или может создать препятствия для производства по уголовному делу.

Несмотря на повышенное внимание, традиционно уделяемое принципу неприкосновенности личности в научной литературе, его отдельные проблемы практически не исследованы, а некоторые детали, входящие в его содержание, остаются неясными и вызывают серьезные затруднения в современной правоприменительной практике. Одной из них является предусмотренный ч. 1 ст. 10 УПК РФ 48-часовой срок задержания подозреваемого органами предварительного расследования. Ученые-процессуалисты в своих публикациях обычно

освещают этот нюанс посредством простой констатации факта¹ – мол, так предусмотрено Конституцией, и точка! И с этим тезисом действительно не поспоришь, так как указанный лимит внесудебного ограничения права человека на свободу и личную неприкосновенность изначально проистекает именно из ч. 2 ст. 22 Основного закона РФ.

Однако лично меня давно интересует вопрос, чем же все-таки руководствовались разработчики Конституции РФ, устанавливая столь короткий временной промежуток, который явно недостаточен для надлежащего выполнения всех предусмотренных законом процедурных правил задержания в соответствии с их подлинным правовым смыслом и назначением. Ведь ввиду общего 48-часового срока задержания, включающего время, затраченное на доставление лица в орган предварительного расследования, а также 8-часовой «резерв», предусмотрительно оставленный законодателем для судебного заседания (ч.ч. 3–4 ст. 108 УПК РФ), в распоряжении следователя остаются «жалкие крохи» – немногим более суток. О какой свободе оценки доказательств в данном случае вообще можно говорить? Успеть бы провести минимум первоначальных следственных действий, «на скорую руку» сформулировать обвинение, предъявить его задержанному, да подготовить в суд ходатайство об избрании меры пресечения. И еще хорошо, если к следователю доставлен только один подозреваемый. А если их несколько?

¹ Кругликов А.П., Дикарев И.С., Бирюкова И.А. Принципы уголовного процесса Российской Федерации / под ред. А.П. Кругликова. Волгоград: Волгоградский госуниверситет, 2007. С. 63–64; Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного процесса. Томск, Томский госуниверситет, 2015. С. 117–123; Челохсаев О.З. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина и его реализация в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2017. С. 71 и многие другие работы.

* Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).

Конечно, Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает выход из всех подобных ситуаций – возможность воспользоваться правом избрания меры пресечения в отношении подозреваемого в порядке ст. 100 УПК РФ. Однако законодатель прямо указывает на данный механизм как на исключительный, подразумевая возможность его применения в редких, очевидно, наиболее сложных случаях, связанных, например, с большим количеством задержанных, удаленностью суда и другими нестандартными обстоятельствами. Как справедливо отмечает Л.В. Головкин, особый порядок избрания меры пресечения в отношении подозреваемого лишь подчеркивает общее правило: в нормальной ситуации для применения меры пресечения требуется сначала предъявить обвинение².

Советское уголовно-процессуальное законодательство устанавливало более «благоприятный» правовой режим – 72 (24+48) часа с момента составления протокола задержания (ст. 104 УПК РСФСР 1923 г., ст. 122 УПК РСФСР 1960 г. Да и сложный судебный порядок избрания меры пресечения в виде ареста не требовался; эти вопросы решались посредством прокурорского санкционирования. Но даже этих трех суток подчас бывало недостаточно для полноценного формирования необходимой совокупности доказательств, предъявления задержанному обвинения и обоснования целесообразности его дальнейшего заключения под стражу.

Автор этих строк, успев поработать следователем Следственного управления ГУВД г. Москвы (позднее – Главного следственного управления при ГУВД г. Москвы) в условиях действия прежнего процессуального Кодекса, прекрасно помнит те бессонные ночи, которые были посвящены производству неотложных следственных действий по факту очередного задержания и составлению множества процессуальных и служебных документов. В частности, вспоминается следующий случай. Сотрудниками Московского УБЭП была пресечена деятельность организованной преступной группы, совершавшей в течение длительного времени преступления экономической направленности на территории г. Москвы и Подмосковья. В ходе проведенной специальной операции семеро членов данной группы были задержаны, доставлены в Управление и переданы в мое ведение. И признаю, что в тот момент я даже не думал, что соби-

раюсь вменить им всем в вину, как буду квалифицировать их действия и т.д. Меня как следователя беспокоил только один вопрос: что, собственно, мне с ними со всеми делать и как я их всех успею «оформить»?

В этой связи весьма примечательно, что установленный Конституцией РФ 48-часовой срок задержания лица по подозрению в совершении преступления не продиктован никакими международными стандартами. Предопределяя концептуальные подходы к ограничению права на свободу и личную неприкосновенность, положения Всеобщей декларации прав человека³, Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейской конвенции)⁴, Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме⁵ и иных основополагающих транснациональных правовых актов не регламентируют четких сроков внесудебного нахождения человека под стражей, оставляя данный «пункт» в ведении соответствующего государства. И это не удивительно! Ведь международные стандарты вынужденного ограничения свободы и личной неприкосновенности вовсе не являются некими правовыми догмами и, тем более, не направлены на построение в определенном государстве, например, в Российской Федерации, идеальной системы правоограничительных норм, регламентирующих основания, порядок и условия применения мер принуждения «арестантского» характера. Как справедливо отмечает В.Н. Григорьев, с учетом разнообразия юридических, социальных, экономических, географических условий, вполне очевидно, что не все эти правила можно применять повсеместно и одновременно⁶. Представляется, что цель международных стандартов в сфере вынужденного ограничения государством права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве заключается в создании правового вектора, позволяющего определить направление для формирования и развития наци-

³ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1995. 5 апр.

⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁵ Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (принят Резолюцией 43/173 на 43-ей сессии Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1988 г.).

⁶ См.: Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. М.: ЮрИнФОР, 1999. С. 33.

² Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головкин. М.: Статут, 2016. С. 536–537.

ональной системы законодательных норм, регламентирующих применение соответствующих мер уголовно-процессуального принуждения, в частности задержания подозреваемого.

Откуда же появились эти пресловутые 48 часов?

Ответ на данный вопрос представляется крайне сложным. Ведь ни в одном из доступных на сегодняшний день источников, касающихся подготовки проекта Конституции РФ, не содержится какого-либо понятного и логического объяснения и, тем более, доктринального обоснования предельного 48-часового срока внесудебного ограничения права на свободу и личную неприкосновенность. А в современной литературе по конституционному праву указанный временной лимит позиционируется как само собой разумеющаяся правовая аксиома, как некая данность. Понять замысел конституционного законодателя в этой части фактически невозможно.

Известно лишь, что в конце апреля 1993 г., т.е. к началу работы Конституционного совещания, существовали два основных проекта будущей Конституции РФ, условно называемые «Президентским»⁷ и «Парламентским»⁸. «Президентский» проект был оперативно разработан группой политиков, ученых и общественных деятелей под руководством С.С. Алексеева, А.А. Собчака, С.М. Шахрая и впервые опубликован в газете «Известия» 30 апреля 1993 г. «Парламентский» проект, представленный в окончательном варианте 5 мая 1993 г., разрабатывался начиная с 1990 г. специальной Конституционной комиссией, образованной на I Съезде народных депутатов РСФСР. Причем к началу работы Конституционного совещания фактический контроль над подготовкой данного проекта находился в руках оппозиционного Верховного Совета РСФСР, возглавляемого Р.И. Хасбулатовым.

Норма, устанавливающая максимальный 48-часовой срок внесудебного ограничения свободы личности, предлагалась именно в «Парламентском» проекте. В ч. 2 ст. 21 этого документа говорилось: «Ограничение свободы, включая арест, допускается исключительно по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов. Законность за-

держания проверяется в судебном порядке». Тогда как ч. 1 ст. 12 «Президентского» проекта, напротив, предполагала куда более обтекаемую формулировку: «Каждый имеет право на жизнь, личную неприкосновенность, свободу и безопасность».

В условиях бурных дискуссий и противостояния ветвей власти, которые, как известно, сопутствовали работе Конституционного совещания, принимая во внимание нарастающий конституционный кризис 1993 г. и дефицит времени для подготовки окончательного проекта новой Конституции РФ, соратники Президента Б.Н. Ельцина попытались прийти со своими политическими оппонентами к определенному компромиссу. Стараясь максимально сохранить свои позиции в нормах о государственном устройстве РФ и системе органов власти, они фактически согласились уступить в части положений, определяющих права и свободы человека и гражданина, взяв за основу соответствующую главу из «Парламентского» проекта. Тем более, что, по мнению большинства участников Конституционного совещания, в том числе и Президента РФ Б.Н. Ельцина, «Парламентский» проект в этом вопросе оказался гораздо более удачным и проработанным⁹.

В результате 12 июля 1993 г. участниками Конституционного совещания был представлен новый «компромиссный» проект будущей Конституции РФ¹⁰, ч. 2 ст. 22 которого предполагала, что «арест и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов». Именно в подобной редакции с незначительными изменениями указанная норма и была вынесена на всенародное голосование 12 декабря 1993 г., вошла в гл. 2 действующей Конституции РФ, чем предопределила содержание принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве.

Желая более досконально разобраться в этом вопросе, я попытался изучить предшествующие

⁷ Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая, Ю.Ф. Ярова, А.А. Собчака, В.Ф. Шумейко. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1995. С. 11–66.

⁸ Там же. С. 495–557.

⁹ Подробнее об этом см.: Румянцев О.Г. К истории создания Конституции Российской Федерации. О работе Конституционной комиссии (1990–1993 гг.). Часть седьмая. Май-июнь 1993 года. Два проекта Конституции // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) / под общ. ред. О. Г. Румянцева. Т. 4. Ч. 2. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 35–60.

¹⁰ Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) / под общ. ред. О.Г. Румянцева. Т. 4. Ч. 3. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 140–176.

описанным событиям материалы работы Конституционной комиссии и подготовки «Парламентского» проекта Конституции РФ. Однако анализ имеющихся (по крайней мере, в открытом доступе) источников не привел ни к каким ощутимым результатам. Так, разработанные до 1991 г. включительно проекты Основного закона (от 21 февраля 1991 г.¹¹, от 16 сентября 1991 г.¹² и более ранние проекты) вообще не предусматривали возможности правоохранительных органов на внесудебное ограничение свободы и неприкосновенности личности. В частности, ч. 2 ст. 22 последнего из них – от 24 октября 1991 г. – предполагала следующую формулировку: «Арест и другие формы лишения свободы допускаются исключительно на основании решения суда»¹³. Кстати, похожая норма содержалась и в ст. 8 принятой в ноябре 1991 г. российской Декларации прав и свобод человека и гражданина¹⁴.

Тогда как в ч. 2 ст. 21 следующего по времени проекта Конституции РФ – от 2 марта 1992 г. – уже прямо предусматривалось, что «ограничение свободы, включая арест, допускается исключительно по решению суда. До решения суда лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов. Законность задержания проверяется судом»¹⁵.

Вполне вероятно, что своеобразным поводом к дополнению проекта Конституции РФ от 24 октября 1991 г. в этой части послужили поступившие в Конституционную комиссию замечания существовавшей в то время Конституционно-демократической партии (Партии Народной Свободы). Авторы данного документа обращали внимание Комиссии на необходимость указания в тексте Основного закона не только о лишении свободы и ареста по решению суда, но и о возможности «задержания и ареста в случае взятия с поличным на месте преступления»¹⁶.

Но кто, когда и почему предложил внести в текст проекта Конституции РФ это положение и, самое главное, откуда появился этот пресловутый

48-часовой лимит внесудебного ограничения права человека на свободу и личную неприкосновенность – остается доподлинно неизвестным. Следы теряются... По крайней мере, анализ опубликованных материалов Конституционного совещания и Конституционной комиссии не позволил обнаружить существование каких-либо «точечных» дискуссий или обсуждений, специально посвященных данному вопросу.

Здесь возникает лишь одна более или менее приемлемая версия. Видимо, разработчики Конституции, пытаясь продемонстрировать всему миру переход Российской Федерации к либерализму, желая максимально наглядно выставить на всеобщее обозрение заботу о правах личности как о высшей ценности, изобрели самый гуманный, самый благоприятный для человека режим вынужденного ограничения его свободы и личной неприкосновенности. При этом реальные потребности следственной практики ими во внимание не принимались или до конца не осознавались. На эту мысль наводит тот факт, что авторы Конституции вообще изначально забыли включить в текст ее проекта норму о возможности внесудебного ограничения права на свободу и личную неприкосновенность (напомним, что эта ошибка была исправлена только в последующих проектах, видимо, благодаря «бдительности» членов Конституционно-демократической партии). А, может быть, с учетом навязанной антисоветской пропагандой того времени негативного отношения к правоохранительным органам реальные потребности следственной практики вообще были проигнорированы сознательно?

По крайней мере доподлинно известно, что уже после вступления в действие Конституция РФ проходила своеобразную «экспертизу качества» в Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии Совета Европы)¹⁷. Эксперты весьма позитивно оценили общее содержание права на свободу и личную неприкосновенность. При этом было отмечено: «Комиссия предпочла бы, чтобы вместо допустимости содержания под стражей в течение 48-часов без судебного решения согласно статье 22 были бы созданы гарантии неприкосновенности личности *«habeas corpus»*»¹⁸.

¹¹ Из истории создания Конституции Российской Федерации. Т. 2. С. 70.

¹² Там же. Т. 2. С. 284.

¹³ Там же. С. 569.

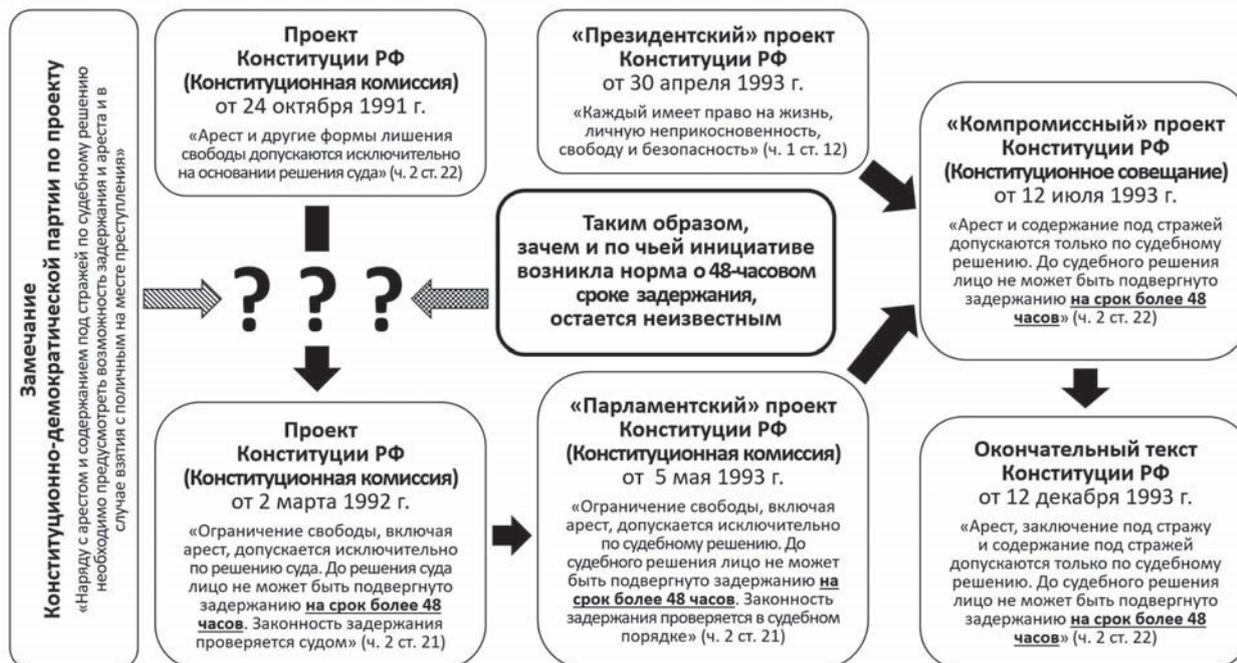
¹⁴ Постановление Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

¹⁵ Из истории создания Конституции Российской Федерации. Т. 3. С. 85.

¹⁶ Из истории создания Конституции Российской Федерации. Т. 2. С. 70.

¹⁷ Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. Т. Справочный. С. 81–100.

¹⁸ Habeas corpus – традиционный институт англосаксонского права, предполагающий возможность любого задержанного требовать безотлагательной судебной проверки законности ограничения свободы и возлагающий на

Кстати, в стремлении к так называемым демократическим ценностям и идеалам российские либеральные реформаторы начала 1990-х гг. оказались «первыми учениками» у западных «Гуру», обогнав в своем старании многие другие постсоветские государства. Весьма примечательно, что Конституции этих стран (Беларуси, Украины, Армении и т.д.) регламентируют подобные вопросы гораздо более взвешенно. Закрепляя общий принцип свободы и неприкосновенности личности, они вообще не предполагают каких-либо сроков его ограничения, как бы передавая этот вопрос на отраслевой уровень. А соответствующие уголовно-процессуальные кодексы предусматривают более длительные сроки задержания подозреваемых, например, ст. 108 УПК Беларуси – 72 часа; ст. 211 УПК Украины – 72 часа; ст. 129 УПК Армении – 96 часов и т.д.

К сожалению, указанный конституционный изъян вряд ли удастся преодолеть в ближайшее время. Ведь положения гл. 2 Основного закона обладают абсолютной правовой стабильностью и являются незыблемыми. Напомним, что согласно ст. 135

правоохранительные органы бремя доказывания правомерности проведенного задержания.

Конституции РФ вопрос о любых изменениях в части прав и свобод человека и гражданина может быть решен лишь посредством работы специально созданного Конституционного Собрания, которое либо подтверждает неизменность Конституции РФ, либо разрабатывает проект новой Конституции. Едва ли в современных условиях российскому обществу так уж необходима очередная кардинальная ломка Основного закона, особенно ввиду столь «незначительной» причины.

Поэтому нам – ученым-процессуалистам – надлежит воздержаться от утопичных идей о принятии новой Конституции. Представляется, что более конструктивными будут попытки поиска отраслевого выхода из сложившейся ситуации посредством максимально возможного сглаживания и нивелирования данного изъяна через нормы федеральных законов, а также посредством оптимизации правоприменительной практики.

Тем более, что существующая в настоящее время законодательная база задержания подозреваемого оставляет желать лучшего. Если регламентация процессуального этапа применения этой правоограничительной меры, несмотря на серьезные противоречия, все-таки имеет подобие некой системы, то в правовом регулировании ее «поли-

цейского» этапа – фактического задержания и доставления – царит полный хаос и беспорядок.

В силу непроцессуального характера фактического задержания и доставления потенциального подозреваемого правом их осуществления наделяются различные должностные лица «силовых» министерств и ведомств, реализующие полномочия по осуществлению оперативно-розыскной, административной, уголовно-исполнительной и других видов правоохранительной деятельности (полиции, Росгвардии, ФСБ России, таможенных органов и др.), что прямо предусмотрено соответствующими законодательными актами: Законом о полиции¹⁹, Законом о Росгвардии²⁰, Законом о ФСБ²¹, Законом о таможенном регулировании²² и т.д. Причем указанные законодательные акты в части полномочий по фактическому задержанию и доставлению потенциальных подозреваемых в принципе не имеют какого-либо единообразия, какого-либо подобия системности и слаженности. А ведь реализация именно этих полномочий зачастую и поглощает то бесценное время, которого в условиях лимитированного 48-часового срока в дальнейшем так не хватает следователю.

Применительно к работе некоторых правоохранительных органов предусмотрены более или менее внятные основания и процедурные правила фактического задержания и доставления. Наиболее детально данный вопрос урегулирован в ст. 14 Закона о полиции и ст. 10 Закона о Росгвардии. Но даже эти нормативные акты позволяют получить самое поверхностное и неопределенное представление о конкретных методах и технологиях реализации указанных полномочий, на что обращают внимание многие современные авторы²³.

¹⁹ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

²⁰ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4159.

²¹ Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» // СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.

²² Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 48. Ст. 6252.

²³ *Вершинина С.И.* К вопросу о легализации фактического (полицейского) задержания лиц, застигнутых на месте совершения преступления // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 756–763; *Кротов Д.Н.* Правовые аспекты фактического задержания // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 3. С. 169; *Грибунов С.П., Степанова В.Г.* К вопросу о производстве фактического

Чего уж говорить про иные «силовые» ведомства, в части правовой регламентации которых законодатель вообще предусматривает только короткие и весьма бессистемные формулировки, предполагающие лишь адресованные соответствующим должностным лицам «голые» и «бесформенные» дозволения по задержанию и доставлению потенциальных подозреваемых. Например, п. 5 ст. 15 Закона о государственной охране²⁴ содержит право органов государственной охраны задерживать и доставлять в служебное помещение органа внутренних дел (полиции), помещения муниципального органа или в иное служебное помещение лиц, подозреваемых в совершении преступлений или иных правонарушений на охраняемых объектах и на трассах проезда (передвижения) объектов государственной охраны, совершающих или совершивших такие преступления или правонарушения. В п. 9 ст. 19 Закона о таможенном регулировании содержится право таможенных органов задерживать и доставлять в собственные служебные помещения или в органы внутренних дел лиц, подозреваемых в совершении преступлений, совершивших (совершающих) преступления или административные правонарушения в области таможенного дела (нарушения таможенных правил), в соответствии с законодательством РФ. Положения п.п. 3–5 ст. 30 Закона о государственной границе²⁵ также предоставляют пограничным органам возможности по задержанию и доставлению целого круга лиц в связи с необходимостью защиты Государственной границы РФ. Достаточно широкий спектр возможностей в части фактического задержания и доставления различных категорий лиц (военнослужащих, иных лиц, находящихся в расположении воинских частей и пр.) в настоящее время получили органы военной полиции в соответствии с еще не имеющими законодательного базиса п.п. 21, 24, 25, 27 Устава военной полиции²⁶.

задержания органами полиции лиц по подозрению в совершении преступления // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. Вып. 3. Ч. II. С. 229; *Калужная В.В.* Актуальные проблемы задержания // Устойчивое развитие науки и образования. 2017. № 4. С. 210 и другие работы.

²⁴ Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2594.

²⁵ Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-I «О Государственной границе Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 17. Ст. 594.

²⁶ Указ Президента РФ от 25 марта 2015 г. № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые

Наименее удачно эти вопросы урегулированы в Законе о ФСБ, в Законе о ФСИН²⁷, которые вообще прямо не предусматривают полномочий соответствующих органов по фактическому задержанию и доставлению потенциальных подозреваемых. О наличии подобных полномочий лишь косвенно свидетельствуют иные нормы указанных законодательных актов.

Сейчас уже достаточно сложно понять логику законодателя, определившего весьма разную степень формализации и разобщенные механизмы правового регулирования в общем-то достаточно похожих (если даже не тождественных) процедур фактического задержания и доставления лиц, находящихся в арсенале различных «силовых» министерств и ведомств.

В данном случае более или менее приемлемой представляется следующая гипотеза. Дело в том, что основная часть современных законов, регламентирующих вопросы организации и деятельности правоохранительных органов, впервые увидела свет в 1990-е гг. А ввиду имевшего место в то время нормотворческого цейтнота, необходимости практически полного обновления прежней советской правовой базы, с учетом политической нестабильности, выраженной в открытом противостоянии различных ветвей власти, у государства просто не было реальной возможности в подготовке и принятии подлинно качественных и хорошо проработанных законодательных актов. Кстати, эту версию косвенно подтверждает и тот факт, что наиболее совершенные федеральные законы в этой сфере правового регулирования – Закон о полиции и Закон о Росгвардии – увидели свет гораздо позже.

Верно ли высказанное предположение или нет, в принципе не так уж и важно. Главное другое – в современных условиях в правовом регулировании механизмов фактического задержания и доставления потенциального подозреваемого в органы предварительного расследования складывается парадоксальная ситуация. Вместо системного унифицированного подхода к достаточно близким (может быть, даже идентичным) процедурам, связанным с ограничением одной из наиболее значимых конституционных ценностей, законодатель допускает

акты Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 13. Ст. 1909.

²⁷ Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

полный правовой коллапс. Это выражается в различной степени формализации и, следовательно, различных по характеру и эффективности правовых гарантиях обеспечения права личности на свободу и неприкосновенность.

Возможно, что в небольшом государстве специалисты и законодатель совладали бы с этим вопросом достаточно быстро. Однако в современных реалиях развития Российской Федерации, имеющей множество различных юридических научных школ и течений, подразделяющей правовую систему на большое число разрозненных правовых отраслей, располагающей разветвленной сетью и многообразием правоохранительных органов со своими интересами и правотворческими амбициями, решение данной проблемы посредством приведения всего законодательного хаоса в этой части к «общему знаменателю» и заполнения существующих правовых пустот представляется просто невыполнимым.

Поэтому реальный выход из существующего «лабиринта» видится в выработке единых нормативно-правовых стандартов и формирования на их основе унифицированного, межотраслевого механизма, позволяющего имплементировать конституционный базис об обеспечении свободы и неприкосновенности личности в условиях лимитированного 48-часового срока в полномочия различных правоохранительных органов по фактическому задержанию и доставлению потенциального подозреваемого в орган дознания или к следователю для дальнейшего осуществления уголовного преследования в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом.

Библиографический список

1. *Вершинина С.И.* К вопросу о легализации фактического (полицейского) задержания лиц, застигнутых на месте совершения преступления // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4.
2. *Грибунов С.П., Степанова В.Г.* К вопросу о производстве фактического задержания органами полиции лиц по подозрению в совершении преступления // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. Вып. 3. Ч. II.
3. *Григорьев В.Н.* Задержание подозреваемого. М.: ЮрИнфор, 1999.
4. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, до-

- кументы (1990–1993 гг.) / под общ. ред. О.Г. Румянцева. Т. 2. М.: Волтерс Клувер, 2008.
5. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) / под общ. ред. О.Г. Румянцева. Т. 3. М.: Волтерс Клувер, 2008.
  6. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) / под общ. ред. О.Г. Румянцева. Т. 4. Ч. 2. М.: Волтерс Клувер, 2008.
  7. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) / под общ. ред. О.Г. Румянцева. Т. 4. Ч. 3. М.: Волтерс Клувер, 2008.
  8. *Калюжная В.В.* Актуальные проблемы задержания // Устойчивое развитие науки и образования. 2017. № 4.
  9. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая, Ю.Ф. Ярова, А.А. Собчака, В.Ф. Шумейко. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1995.
  10. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая, Ю.Ф. Ярова, А.А. Собчака, В.Ф. Шумейко. Т. Справочный. М.: Юрид. лит., 1996.
  11. *Кротов Д.Н.* Правовые аспекты фактического задержания // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 3.
  12. *Кругликов А.П., Дикарев И.С., Бирюкова И.А.* Принципы уголовного процесса Российской Федерации / под ред. А.П. Кругликова. Волгоград: Волгоградский госуниверситет, 2007.
  13. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016.
  14. *Челохсаев О.З.* Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина и его реализация в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2017.
  15. *Якимович Ю.К.* Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного процесса. Томск: Томский госуниверситет, 2015.

Действие принципа неприкосновенности личности при применении заключения под стражу, домашнего ареста и запрета определенных действий в уголовном судопроизводстве

Оксана Валентиновна Качалова*

Принцип неприкосновенности личности (ст. 10 УПК РФ) является одним из важнейших конституционных принципов уголовного судопроизводства. Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ неоднократно подчеркивали, что право на свободу и личную неприкосновенность является одним из неотъемлемых основополагающих прав человека. Оно воплощает наиболее значимое социальное благо, которое, исходя из признания государством достоинства личности, предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу автономии личности и создает условия как для

демократического устройства общества, так и для всестороннего развития человека¹. Данное право может быть ограничено лишь в той мере, в какой это необходимо в определенных законом целях и в установленном законом порядке².

¹ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2011 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина» (п. 2) // СЗ РФ. 2011. № 51. Ст. 7552.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (преамбула) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

* Доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.